

— Т-тебе не обязательно быть настолько прямолинейным! — Неужели обмануть меня — смерти подобно?!

— Ладно, не стоит смотреть, зачем так хмуриться перед бронзовым зеркалом? — Мужун Чжи оттащил его от зеркала. — А-Ли ещё купил мяса, в ближайшие дни буду кормить тебя мясом, в обед приготовлю любимого тобой гуся, подкрепишься — и всё вернётся.

Но даже любимый гусь теперь не мог успокоить раненую душу Се Люя.

— А Чжи, у тебя есть такое... лекарство, чтобы выпить — и не больно, словно уснуть и умереть?

Лицо Мужун Чжи потемнело:

— Зачем ты об этом спрашиваешь?

— Я сейчас... конечно, ещё не хочу ничего такого! — Се Люй поспешно замахал руками. — Но, если так продолжится, через некоторое время, если я ещё больше исхудаю, стану похож на мумию или что-то вроде, с жёлтым лицом, худой, как палка, с потухшими глазами, лежащим без движения в постели, то я думаю, лучше уж...

Мужун Чжи стиснул зубы, на лице появилось выражение сдержанности, он развернулся и, взмахнув рукавом, ушёл.

— Эй... ч-что случилось?

А-Ли, видя недоумевающее лицо Се Люя, тихо сказал:

— Генерал, ну ты же! Говоришь такие слова, как учителю не огорчаться?

— ...

— Генерал, с тех пор как вернулись из Горной усадьбы Кленового Листа прошло больше десяти дней, учитель, кроме как заботливо ухаживал за вами, так ещё и ночами перелистывал трактат «Даньчжи Фан» и различные древние книги в хранилище на задней горе, хоть это и поиск иголки в стоге сена, но всем сердцем стремился найти способ облегчить червей в вашем теле. А вы, не считаясь с добрыми намерениями учителя, произносите такие слова, как же учителю не впасть в уныние и отчаяние?

— Я, я же не говорю, что сейчас хочу смерти.

Се Люй смущённо, просто отражение в зеркале было для него совершенно неприемлемым:

— Просто болтаю попусту, разве сказал, что действительно что-то сделаю...

— Генерал, возможно, сам считает, что болтает попусту, но учитель... всё принимает близко к сердцу. Учитель каждый день думает о вашем благе, а вы так раните его сердце, это действительно...

Верно. У А Чжи такой характер, что всё воспринимает всерьёз.

Да и он сам действительно слишком бесцеремонен на язык.

Се Люй тщательно подумал и в душе пожалел. Догнав у хранилища на задней горе, он увидел, как Мужун Чжи стоит перед холодными дверьми, не входя, просто смотрит прямо на ворота,

дуюсь.

— А Чжи, это...

Мужун Чжи обернулся, его глаза были тусклыми и безжизненными, что сильно испугало Се Люя.

— А Чжи, прости, я, я...

Тут Мужун Чжи криво усмехнулся, схватил Се Люя за рукав и потащил в небольшую хижину, где он с Е Пу обычно готовил лекарства. Порывшись на полках, он достал маленькую красную бутылочку и сунул её в руку Се Люю.

— Вот то, что тебе нужно. Выпьешь — сразу умрёшь, ни малейшей боли! Но сначала предупреждаю: если хочешь умереть, иди вниз с горы и найди место, не умирай в моём Дворце Внимающих Снегу, мешаешь и путаешься под ногами!

— А Чжи! — Се Люй поспешно ухватил его.

Развернув, увидел, что у Мужун Чжи покраснели глаза.

— А Чжи, же говорю, я ошибся. Прости.

— Какая ошибка? Когда ты ошибался? Разве у тебя бывают ошибки? Хочешь умереть — так иди умирай! Быстрее! Никто не держит! Тащиться, не желая умирать, — вот трус!

Тело Се Люя вдруг с силой потянуло назад, Мужун Чжи не удержался на ногах и оказался в объятиях Се Люя. Только собрался вырваться, как почувствовал на губах тепло.

Он широко раскрыл глаза, руки Се Люя сжимали его плечи, вырваться было невозможно. Те губы плотно прижались к его губам, кусая и лаская, играя и дразня, как он ни пытался увернуться, но зубы были разжаты, и он услышал тихий смешок Се Люя, который погрузился в поцелуй ещё глубже, движения рук были жёсткими, но в губах и зубах — невыразимо нежными.

— Ты, ты...

Мужун Чжи задыхался, хотя его уже отпустили, он почти забыл, как дышать. Хотел рассердиться, но увидел, как Се Люй, сложив руки за спиной, смотрит на него с нежной улыбкой, и хотя тот исхудал и изменился, но в этот миг казался таким же, как при первой встрече.

— А Чжи, я не собираюсь умирать, успокойся. Просто, просто не очень умею говорить, ты же знаешь, я всегда такой...

— Зачем говорить? Я и так спокоен! Говорят же, вредители живут тысячу лет. Даже если всем сердцем захочешь умереть — трудно будет!

— Эх, вот бы и вправду тысячу лет вредить! Эй-эй, А Чжи, скажи, что мы сегодня на обед будем есть?

...

После еды Мужун Чжи наконец понял истинную причину тех слов, что Се Люй сказал ранее.

— Просто... потому что выглядишь не так хорошо, как раньше?

— Из-за такой причины ты, ты задумался о смерти?

Он смотрел на Се Люя, как на идиота.

— Разве это не серьёзно? Ведь теперь, глядя на себя, я и сам не радуюсь, как же тебе может быть приятно? Со временем обязательно начну тебе надоедать, ещё и столько хлопот доставлять, я боюсь, что потом, вспоминая меня... ты не вспомнишь ничего хорошего.

Мужун Чжи счёл это нелепым:

— По-твоему, я разве тот, кто судит по внешности? Разве только потому, что ты заболел и изменился внешне, я разочаруюсь в тебе?

— Но, А Чжи, разве в книгах, что ты мне раньше читал, не написано: «Императрица, тяжело больная, стыдясь своего уродства, закрылась одеялом, скрывая лицо, и отказалась от императора»...

— В книгах есть высказывание: «Тот, кто служит красотой, когда красота увядает, любовь ослабевает, а когда любовь ослабевает, милость и преданность прерываются». Но ты изначально не красавец, а я и вовсе не император!

— Что ты сказал? Я изначально... не красавец? — Се Люй поразился.

— Конечно нет, — с серьёзным лицом ответил Мужун Чжи.

— У-у... — Се Люй готов был заплакать. — Всё пропало! А Чжи, ты уже не помнишь, каким я был красивым и элегантным, стройным и статным! А-а-а! Лучше уж поскорее умереть! Не хочу, чтобы потом, вспоминая меня, ты видел этого жёлтолицего, худого, бледного уроды!

Мужун Чжи был весьма озадачен:

— Ты и тогда не был особо стройным и статным, сейчас, хоть и похудел, цвет лица не очень, но и не так уж уродлив!

— Т-тогда не был стройным и статным? А Чжи, ты, ты явно забыл, как я выглядел раньше!

Ведь тогда я, правда, был, настоящим, элегантным, блестящим и привлекательным!

Так говорил не только сам император, но и князь Нин, и простые горожане столицы, и даже враги с Северной пустыни.

Друзья хвалили: «Генерал величествен и статен, облик прекрасен», противники ругали: «Лишь красивая оболочка».

Даже многие чиновники из провинций, приезжавшие в столицу раз в год с докладом, после аудиенции у императора специально приходили посмотреть, что же такое «первый красавец столицы»!

Се Люй до сих пор считает, что тогда Мужун Чжи влюбился в него с первого взгляда, во многом благодаря тому лицу, которому даже завидовал молодой хозяин, пытавшийся изуродовать его горячей палкой!

— Все люди. У всех один нос и два глаза, какая может быть огромная разница? Хотя лица у всех разные, но красота и уродство по сути не так уж сильно отличаются, твоё стремление к красоте я не понимаю, — Мужун Чжи, видя его такое возбуждение, был совершенно озадачен.

— Нет разницы? А Чжи... — Се Люй дрожащими губами осторожно спросил. — Тогда скажи, маленький А-Ли и маленький Е Пу, кто красивее?

Мужун Чжи действительно серьёзно посмотрел туда, подумал:

— Действительно... примерно одинаковы.

Врёшь! Как одинаковы? Красавец Е Пу явно на несколько голов выше А-Ли!

— Ладно, ладно, раз они тут, конечно, ты можешь сказать только «одинаковы». Тогда спрошу про отсутствующих, А Чжи, как думаешь, хозяин усадьбы Тан Цзи и Ся Даньси, как они сравниваются?

Мужун Чжи, казалось, серьёзно задумался:

— Они тоже... никакой разницы нет?

— Если бы пришлось выбрать одного?

Ведь эти двое тоже явно разного уровня?

— Если бы пришлось выбрать одного, — Мужун Чжи серьёзно взвесил внешность, телосложение и манеры тех двоих, — Господин Ся.

Врёшь!

Пусть Тан Цзи слеп и хром, но он примерно на одном уровне с Е Пу, а тот Ся Даньси, в лучшем случае телосложение ещё нормальное, лицо же, в лучшем случае, можно считать миловидным, по-моему, даже хуже А-Ли!

— А Чжи, ты... серьёзно? Серьёзно считаешь, что Ся Даньси красивее Тан Цзи?

Мужун Чжи кивнул.

<http://bllate.org/book/15612/1394025>